

Одним из важнейших явлений общественной жизни последнего столетия стало «восстание масс» [5], которое выразилось в том, что десятки миллионов людей стали активными участниками социально-политических действий. Новые средства информации и коммуникации, появление Интернета позволили подключиться к массовым действиям уже сотням миллионов людей. Но смысла от этого не прибавилось. Наряду с реальными, образуются «виртуальные толпы» со всеми характерными чертами человеческой толпы, на которые обращал внимание еще Гераклит.

Мир становится всё более динамичным и всё более непредсказуемым. Наше время, кроме всего прочего, можно было бы назвать временем тотальных практических действий. Обстоятельное обдумывание происходящего и дальновидное прогнозирование будущего, – это не про нас. Мыслить со скоростью светового сигнала в Интернете – таково умонастроение нашей эпохи. Сегодняшнее время вряд ли можно назвать философским. Кроме всего прочего, это еще и потому, что философия живет, скорее, в ритмах природы, а не в ритмах современной информационно-цифровой цивилизации.

Философия в последние два столетия пережила немало серьезных испытаний. Неоднократно высказывались мнения о ее конце. Как это бывало и раньше, подобные предположения оказываются неоправданными. На самом деле, наряду с глобальными социальными трансформациями, решительные перемены происходят в сфере духа, вследствие чего не только наука, как ядро современности, но также и философия претерпевают серьезные изменения, всё более активно вторгаясь в область повседневности.

Философия тем или иным образом оказывает влияние на каждую из форм духовной жизни, выступая их метафизическим началом, а также критической рефлексией по поводу оснований их существования и развития. Она несет в себе как индивидуально-личностную, так и социокультурную составляющую. Мировоззренческий контекст, поиски человеком себя и смысла жизни, независимо от того, отрефлексированы они или присутствуют неосознанно, напрямую заставляют обратиться к ее основополагающим идеям. Философия представляет собой квинтэссенцию подобных поисков, и для всякого, кто чувствует себя потерявшимся в этом мире, она может стать путеводной звездой. С ее помощью человек и человеческая культура в целом осмысливают прошлое, ищут рациональные объяснения коллизиям настоящего, обретают силы и вдохновение для созидания будущего.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума. Пер. с нем. Н.О. Лосского. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
2. «Наше общее будущее»: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР): Пер. с англ. / Под ред. и с послесл. С.А. Евтеева и Р.А. Перелета. – М.: Прогресс, 1989. – 244 с.
3. Фрагменты ранних греческих философов. – М.: Наука, 1989. Ч. 1. – 576 с.
4. Поппер К. Открытое общество и его враги. Кн. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. В.Н. Садовского. – М.: «Феникс», Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М.: Наука, 1991. – 408 с.

ЭКОНОМИКА СМЫСЛА: МЕРЛО-ПОНТИ И ДЕРРИДА О ЗАЙМЕ И ВОЗМЕЩЕНИИ СМЫСЛА

Шестова Е. А.

Кандидат философских наук

Российский государственный гуманитарный университет

(Москва, Россия)

УДК 101

Пересматривая гуссерлевское понятие «традиции», М. Мерло-Понти и Ж. Деррида ставят под вопрос противопоставление «моего» и «чужого» смысла и указывают на интерсубъективное конституирование смысла. Мерло-Понти предлагает концепцию общего смысла, который может быть исполнен мною и другим и разделен между нами. Деррида говорит об отчуждении смысла в языке: «исполняя» смысл, читатель заимствует его, чтобы затем вернуть с процентами. Язык становится интерсубъективной средой существования смыслов, не имеющих явного истока и однозначной принадлежности, но одалживаемых и возвращаемых. Это позволяет уйти от метафизической парадигмы «принадлежности» смысла субъекту.

Ключевые слова: М. Мерло-Понти, Ж. Деррида, феноменология чтения, интерсубъективность,

ECONOMICS OF SENSE: MERLEAU-PONTY AND DERRIDA ABOUT BORROWING AND REPAYING SENSE

Shestova E. A.

PhD

*Russian State University for the Humanities
(Moscow, Russia)*

M. Merleau-Ponty and J. Derrida revise Husserl's concept of 'tradition'. They bring into a question the opposition of the mine and the other's sense and emphasise the intersubjective constitution of sense. Merleau-Ponty proposes the conception of the collective sense, that can be fulfilled by me as well as by the others and shared. Derrida claims, the sense is alienated by the language: by fulfilling the sense the reader borrows the deposited sense and repays it later with interest. The French philosophers consider the language as the intersubjective medium of senses, which have no definite origin and and wasn't produced, but borrowed and than repaid. It is the way to elude the metaphysical concept, that the subject is the owner of sense.

Keywords: M. Merleau-Ponty, J. Derrida, phenomenology of reading, intersubjectivity

В докладе рассматривается разработка феноменологического (гуссерлевского) понятия традиции у французских феноменологов. Гуссерль понимает механизм традиции как взаимодействие производства и оседания смысла, но поскольку он изначально полон недоверия к языку, «искушающему» нас пользоваться готовыми смыслами без их реактивации, он старается свести роль языка к минимуму. Гуссерль, таким образом резко разводит «мой» и «чужой» опыт, и в конечном счете только мой собственный опыт может дать мне истину. Для него это базовое положение феноменологии. Однако в традиции роль чужого смысла для производства моего собственного не до конца ясна. Чтобы обозначить сопоставление описанного опыта и моей собственной верификации его Гуссерль использует понятие “Deckung” – покрытие, перекрытие, в частности, как отмечает переводчик М. Маяцкий, «покрытие векселя» или займа. Комментируя Гуссерля, Мерло-Понти и Деррида ставят под сомнение его идею «живого настоящего» и возможной «реактивации смысла», пересматривая таким образом самые основания гуссерлевской концепции.

Наш интерес заключается как раз в том, чтобы рассмотреть через понятие традиции опыт чтения. Мы хотели бы исследовать специфическую роль роль языка как среды смыслов и уйти от однозначного разграничения «моего» и «чужого» смысла. Вслед за французскими феноменологами мы предлагаем сосредоточиться на моменте «покрытия», в котором и происходит для них учреждение истины. Если для Гуссерля истина учреждается в момент созерцательного наполнения интенции значения, а при седиментации она уже «выдыхается», то для Мерло-Понти и Деррида только в седиментации и имеет место истина. Истина опознается постфактум, как всегда уже повторенная, при этом в традиции повторение это (reprise, Nachvollzug) чаще всего является повторением чужого смысла. В связи с этим и

возникает вопрос, кому принадлежит этот смысл, двойное учреждение которого было выполнено разными фактическими субъектами?

Французские феноменологи несколько по-разному подходят к рассмотрению статуса этого смысла. Мерло-Понти в статье «О феноменологии языка» и в неоконченной «Прозе мира» рассматривает его как «общий смысл» – принадлежащий и мне, и другому, и всем потенциальным другим. Язык, понимаемый им как внешний и проницаемый уровень телесности, дает возможность «пересечения тел», разделения одного и того же смысла – вплоть до «одержимости». Когда я усваиваю мысль другого, она становится в некотором роде моей, но и я тем самым меняюсь; так я могу усвоить и стиль того или иного писателя, но усвоить его, лишь уступив ему: «Я создаю Стендаля, и когда я его читаю, то и сам становлюсь Стендалем».

Деррида же во Введении к «Началу геометрии» говорит об «отчуждении смысла», который не принадлежит больше ни мне, ни другому, но помещается на хранение (*se depose*) в язык, как в банк. Смысл отрешается от изначального собственника, лишается его и также становится общим, но уже как не принадлежащий никому. Исполняя смысл, я как бы заимствую его на время, чтобы вновь вернуть в язык уже с процентами. Таким образом происходит капитализация, или прирастание, истины, ее накопление. Язык становится автономным местом традиции, не зависящим от фактических участников традиции, но и не полагается как сфера неизменных истин трансцендентального эго, становясь сферой бесконечной работы.

Привнесение в феноменологию проблематики языка и идея о неустранимости языкового измерения у обоих авторов приводит к тому, что язык становится не просто средством закрепления и передачи опыта, но средой существования смыслов, не имеющих явного истока, однозначной принадлежности, но одалживаемых и возвращаемых. Это, в частности, позволяет уйти от метафизической парадигмы «принадлежности», соответственно от антифеноменологического постулирования «субъекта».

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРАКТИКА: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Шиян Т.А.

кандидат философских наук

Фонд «Центр гуманитарных исследований»

(Москва, Россия)

УДК 1(091), 101.1, 101.8

В сообщении рассматриваются основные положения концепции античной философии П. Адо с рядом уточняющих и развивающих их положений автора. Основываясь на концепции Адо и его трактовке понимания в школе Аристотеля философской практики как мышления, автор считает, что философия никогда не переставала быть именно практикой, хотя тип практики и сменился. Произошло это в процессе христианизации античной культуры, в результате чего философский дискурс оторвался от неприемлемых для христиан языческих практик. Но он нашел продолжение, с одной стороны, в христианских религиозных практиках, а с другой стороны, в практике мышления. Познание, основанное на мышлении и рефлексии, является областью развертывания философии как практики и сегодня. При этом, как и в античности, философская практика становится философской только в процессе дискурсивного самоописания и самопроектирования.

Ключевые слова: Пьер Адо, Платон, Аристотель, античная философия, философская практика, философский дискурс, христианство, современная философия, мышление, рефлексия, самописание.